

Что особенно помнится

Завтра, 13 сентября, у нас в стране отмечается День танкистов. По этому случаю мы пригласили в редакцию ветерана войны, бывшего танкиста Николая Максимовича СВОЙКИНА. Он пришел в обеденный перерыв (до сих пор трудится в цехе ТЭС БАЗа), в спецовке, без наград. Невысокий, худощавый – по облику, кажется, совсем не напоминающий танкиста. Упрашивал не писать о нем: «Есть же в городе много других танкистов. А я что? Ну воевал и воевал. Так ведь всем в те годы доставалось. Но что было, то было...» И разговорился, рассказал просто, без прикрас о долгой солдатской военной службе.

– В армию-то меня призвали году в 40-м, служил на Дальнем Востоке. Но еще в апреле 41-го перебросили нас на Запад. Служил я тогда в танковом полку башенным стрелком. Ну, что? В первый же день войны 22 июня попали мы под бомбежку. Страшно ли было? Как не страшно, каждому ведь жить хотелось. Только я еще в первые дни решил для себя: бойся, не бойся, дрожи, не дрожи, а все равно наперед знать не будешь, убьют ли тебя или жить останешься. Вот решил так, и как будто легче стало. Чему быть, того не миновать.

Но случай расскажу. Чего скрывать? Война ведь, всякое было. Это где-то всего второй-третий день войны шел. Как раз бомбежка была, а мы в избушке в лесу находились. Ну я выскочил, побежал. Понятно, чтоб спастись, немцы-то в избушку старались попасть. И вот на ходу решил песок из сапога высыпать, сапог-то снял, а надеть не успел, дальше от страха побежал босиком (немец-то продолжал обстреливать).

Ну а потом вскоре нам команда была – по машинам. Я сапог свой побежал искать. Вот так растерялся маленько.

В первый год войны ох тяжело было всем. Нам-то солдатам ладно. А вот женщинам, детям в местах, где фронт проходил... Прямо душа за них болела. Ну и, понятно, сразу же на войне близко со смертью столкнулся. В бою, когда мы обстреливали колонну немцев, загорелся наш танк, все трое успели выскочить. А командира у нас на глазах и убило.

Но больше всего 41 запомнился потому, что горько нам было, когда отступали. Помню, оставили Житомир, Белую Церковь, Киев. Но вот скажу правду, без красных слов: хоть и были тогда предатели и трусы, но мало их было, мало. Весь народ, товарищи мои по полку настроены были патриотически. Мы вернемся еще. Я про себя так решил: если попадусь немцам, застрелюсь, только застрелюсь.

Ну дальше про 41-й чего рассказывать. Перебросили нас в тыл. Угодил я в автобронеполк. Учился несколько месяцев. И в 42-м году попал на Калининский фронт, в разведбатальон, в танковую бригаду. В разведку ходили. А как же – на бронемашине тоже в разведку ходят, не только пехота. Да. Вот, помню, зимой в окружение попали, семь-восемь дней на морозе и без пищи. А немец по радио: «Вы окружены, сдавайтесь, ваши командиры вас бросили». Ага, слушали мы его! Болтай, болтай. Но тяжело было, померзли, поголодали. А все-таки вырвались тогда.

Я по порядку все рассказывать не буду. А так – что особенно помнится. В 43-м летом шли по Украине. Уже города освобождали. Другое совсем настроение. Люди нас радостно встречали, и сами мы были как-то увереннее, воевать уже научились. Хотя... Было это под Глузском. Пошли мы в разведку на двух бронемашинах. Я впереди ехал. А лейтенант Панков, командир взвода, на второй машине, за мной. И вот до сих пор не могу понять, как так получилось, что он впереди меня оказался. То ли наша машина из-за чего-то замешкалась, то ли ему почему-то обогнать захотелось. Только простить себе этого до сих пор не могу, что вперед его пустил. Гляжу – рвануло его машину. Подбежал, вытащил их: и Панкова, и Краснова – оба без сознания были. А Панков потом вскоре в госпитале умер. Как же так? – мучал и мучаю я себя. Ведь вместо меня он погиб. А я-то вот живу. Правда, рана руки у меня была небольшая. Осколок так и прижился. Но ноет иногда, ноет. А тут как-то рука из-за него опухла. Да резать не дал. Пусть уж со мной осколок доживает, как родной, стал.

А что? Вот так и душа ноет. Из-за Панкова особенно. Плакал, однако, на войне только раз. Вот тогда и плакал. Да еще когда из дома весть пришла, что сестра моя младшая от какого-то взрыва на заводе ослепла. Ну она-то за что? Да. Вот заговорил о переживаниях своих. Уж вот сколько лет прошло, а все вспоминаешь да думаешь. Казнишь себя, бывает. Нет, воевал я честно. Считайте, с начала войны и до Победы, до Берлина дошел. Медали имею, два ордена Славы. Иногда вдруг, откуда ни возьмись,

картина старая перед глазами (частое мое воспоминание): я – на бронемашине, то есть сильный, защищенный, мне не страшно, а впереди бежит от меня молодой, как я, немец. Бежит и убежать не может. Догнал я его и как языка взял. Было это уж когда дело к победе шло. Не знаю, как в этом признаться, может, нехорошо это? Но жалею я того немца. Может, надо было отпустить его, пусть бы убежал в лес?

Да ладно, что теперь. Расскажу еще немного что повеселее. Иногда удачи бывали случайные. Так до сих пор диву даюсь. Однажды на бронемашине поехали мы в небольшую разведку, вовсе не полагая, что фашисты рядом. Ну и напоролись на них. Запросто бы могли нас срезать, можно сказать, в руках у них были. А темно было, вот что. И они, видать, то ли растерялись от неожиданности, то ли подумали, что нас много, только проехали мы спокойно, беспрепятственно. Потом благополучно к своим вернулись. И так бывало.

Вот еще сначала сказал я, что хоть и страшно было на войне, а о смерти мало думалось.

Уходя, Николай Максимович просил: «Вы уж, если что не подходит, так совсем и не пишите обо мне. Ну чего такого особенного в моей жизни, любой фронтовик так бы мог наговорить о себе». И в искренней этой просьбе не было ни рисовки, ни наоборот желания замкнуться в своих воспоминаниях. Подумалось: а не потому ли все так и тогда, более 40 лет назад, победил наш народ, что не думал он о славе, о наградах – защищая Родину, горячо любя ее, но не говоря об этом громких слов.

**Записала рассказ
Г. НИКЛАУС.**

Свойкин, Н. М. Что особенно помнится : [воспоминания участника Великой Отечественной войны Николая Михайловича Свойкина, г. Краснотурьинск] / записала рассказ Г. Никлаус // Заря Урала. – 1987. – 12 сент. (№ 110). – С. 2-3 : фот.